

ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ

УДК 33(470+571):614.446

В.С. Васильев*

ОЦЕНКИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ЭКСПЕРТАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Систематизированы оценки состояния и перспектив российской экономики в условиях мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2020 г. в результате пандемии COVID-19, экспертами международных организаций – Международного валютного фонда и Всемирного банка. Приводится их мнение о причинах замедления экономического роста в России и системных проблемах отечественной экономики. Представлена вновь вспыхнувшая в США дискуссия о сравнительных недостатках и достоинствах капитализма и социализма.

Ключевые слова: Россия; экономика; экономический кризис; экономическая динамика; Международный валютный фонд; Всемирный банк; экономическая дискуссия.

V.S. Vasiliev
**Assessments of the Russian economy by experts
from international organizations**

Abstract. The assessment of the state and prospects of the Russian economy in the context of the global financial and economic crisis, that began in 2020 as a result of the COVID-19 pandemic, by experts of international organizations – the International Monetary Fund and the World Bank are systematized. Their opinion on the reasons of slowdown in economic growth

* **Васильев Владимир Сергеевич**, д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН).

Vasiliev Vladimir, DSn (Econ. Sci.), chief researcher, Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

in Russia and the systemic problems of the national economy is given. The discussion about the comparative advantages and disadvantages of capitalism and socialism reignited in the USA are presented.

Keywords: Russia; economy; economic crisis; economic dynamics; International Monetary Fund; World Bank; economic discussion.

Введение

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2020 г. и спровоцированный коронавирусной пандемией, затронул и российскую экономику. Согласно данным Международного валютного фонда (МВФ) на апрель 2020 г., годовое падение ВВП России оценивалось в 5,5% ВВП (на фоне падения мирового ВВП на 3,0% и ВВП группы так называемых развивающихся экономик и слаборазвитых стран в размере 1,0%) [The great lockdown, 2020, p. 7]. В июне 2020 г. МВФ скорректировал свою оценку в сторону ухудшения. Теперь падение ВВП России в 2020 г. прогнозировалось в 6,6% на фоне общего ухудшения состояния мировой экономики. Сокращение мирового ВВП в 2020 г. оценивалось уже в 4,9%, а ВВП группы развивающихся экономик и слаборазвитых стран – в 3,0% [A crisis like no other..., 2020, p. 7].

Модели развития финансово-экономического кризиса 2020 г.

Аналитики МВФ предложили четыре модели, в соответствии с которыми может проходить восстановление как мировой, так и национальной экономик в период после 2020 г. Модели ранжированы по принципу от самой оптимистической до самой пессимистической [Sheiner, Yilla, 2020].

Самой оптимистической является V-образная модель рецессии, относительно быстрого восстановления экономики – примерно в течение одного года, – и выхода на докризисную траекторию устойчивого экономического роста. Вторая модель экономического восстановления, именуемая как U-образная, исходит из более медленных временных параметров выхода на прежнюю траекторию развития, как правило, в течение 2–3 лет. Третья модель описывает волнообразную модель рецессии, которая получила название W-образной. Ее специфика состоит в том, что первоначальное улучшение экономических показателей спустя какое-то время, иногда через год-полтора, сменяется повторным экономическим

спадом. Однако через некоторое время начинается вторая, на этот раз успешная, фаза восстановления, которая в конечном итоге выходит на докризисные показатели. И, наконец, четвертой, самой пессимистической является модель длительного, измеряемого иногда целым десятилетием, периода восстановления экономики, в течение которого экономика находится в депрессивном состоянии. Такая модель именуется L-образной. Фактически модель Великой депрессии в США 1930-х годов или периода 1990-х годов в РФ.

Перспективы восстановления большей части показателей российской экономики до докризисных уровней зависят от траектории, по которой в конечном итоге будет развиваться экономический кризис 2020 г.

Стратегия РФ по восстановлению экономики на докризисном уровне

Согласно представлениям американских экономистов, темпы восстановления экономической активности до докризисных уровней напрямую зависят от государственной политики стимулирования экономики с помощью мер бюджетной и монетарной политики. По оценке аналитиков МВФ, Россия в общей сложности выделяет на восстановление своей экономики и на борьбу с эпидемией коронавируса 5 трлн руб. (по состоянию на 27.08.2020), или 5,0% ВВП¹. Если основываться на этом параметре, то можно сделать вывод, что российские власти взяли за основу стратегии модель относительно небыстрого преодоления кризисных явлений, в рамках которой объем выделяемых средств примерно соответствует глубине экономического спада. Эта стратегия в первом приближении соответствует U-образной модели восстановления экономической активности.

Сравнительно умеренная реакция российских властей на кризисные явления в экономике, возможно, проистекает из их стремления не допустить резкого ухудшения состояния системы государственных финансов, включая сохранение контроля над ростом государственной задолженности. МВФ прогнозирует для 2020 г. дефицит консолидированного бюджета РФ в размере 5,5%

¹ Рассчитано по [Policy responses..., 2020; The great lockdown, 2020]. По состоянию на июнь 2020 г. аналитики МВФ оценивали общую величину средств, выделенных федеральными российскими властями в 3,0% ВВП [Fiscal monitor..., 2020].

ВВП (в 2018 и в 2019 гг. бюджет сводился с положительным сальдо в размере 2,9% и 1,9% ВВП соответственно) и рост государственного валового долга до уровня 18,5–18,8% ВВП (в 2018 и 2019 гг. соотношение валового долга к ВВП РФ составляло 13,5% и 13,9% соответственно) [A crisis like no other..., 2020, p. 20].

Падение ВВП во втором квартале 2020 г. на 8,2% побудило российские власти перейти к «открытию» экономики, т.е. возвращению ее к обычному рабочему ритму функционирования. Правительство разработало трехфазовый план, предоставив большую самостоятельность регионам в этом вопросе в зависимости от складывающейся санитарно-эпидемиологической обстановки. На первом этапе населению было разрешено совершать прогулки и заниматься физкультурой на открытом воздухе; можно также открывать небольшие торговые точки и предприятия сферы обслуживания. На втором этапе возобновляли работу школы, а также средние по размеру торговые предприятия и предприятия сферы обслуживания. И, наконец, на третьем этапе открывалась большая часть магазинов, парков, предприятий сферы услуг, ресторанов, гостиниц, культурно-зрелищных учреждений. МВФ приводит данные российской статистики, согласно которой к концу августа из 85 регионов 15 регионов (18%) находились на первой фазе открытия экономики, 44 региона (52%) – на второй фазе и 26 регионов (30%) могли считаться полностью «открытыми». При этом на почти 0,8 млн человек (1,5% населения) по-прежнему распространялся режим карантина и самоизоляции [Policy responses..., 2020].

Перечисляя принятые на официальном уровне меры бюджетной и монетарной политики для выведения российской экономики на траекторию устойчивого развития, аналитики МВФ пока не дают обобщенной оценки эффективности предпринимаемых действий.

Важнейшим фактором неопределенности в развитии как мировой, так и российской экономик в МВФ считают возможное наступление второй волны коронавирусной пандемии осенью 2020 г. или в начале 2021 г. В этом случае надежды на быстрое восстановление мировой экономики в 2021 г. придется оставить. Падение мировой экономики продолжится, и в 2021 г. мировой ВВП может сократиться на 4,6%, при этом падение ВВП затронет все без исключения регионы мира [A crisis like no other..., 2020, p. 14].

Всемирный банк: вероятность большего экономического спада в РФ

В июле 2020 г. Всемирный банк (ВБ) выпустил специальный доклад, посвященный тенденциям развития российской экономики в условиях экономического спада и коронавирусной эпидемии. В нем аналитики ВБ не исключили возможность более глубокого и продолжительного спада в российской экономике, который они назвали пессимистическим сценарием. Согласно этому сценарию, падение ВВП России в 2020 г. может достичь 9,6%, вследствие чего рост в 2021 г. составит не более 0,1% (в пределах статистической погрешности) [Russia: Ressecion and growth..., 2020, p. 40]. В рамках пессимистического сценария значительно увеличится количество банкротств среди частных фирм, испытывающих серьезные финансово-экономические трудности, а также заметно снизится потребление домовладений и уменьшатся пассажирские перевозки. Примерно на 1,0% – с 12,3 до 13,4% – возрастет доля населения, живущего на доходы ниже официально исчисляемого индекса бедности.

Вероятность более глубокого экономического спада аналитики ВБ связали с возможной второй волной коронавирусной эпидемии в РФ в конце 2020 г., которая может вынудить российские власти «закрыть» российскую экономику на три месяца. В этой связи не исключается обострение социальной напряженности в российском обществе, поскольку «многие люди не имеют формальной работы, в результате чего большое число домохозяйств живет на доходы, ненамного превышающие уровень бедности, что повышает степень социальной уязвимости России, требующей тщательного мониторинга» [Russia: Ressecion ang growth..., 2020, p. 41].

ВБ проанализировал правительственный план вывода экономики из кризисного состояния, суммарный объем расходов по которому предполагается в сумме 7,0 трлн руб. Больше половины расходов (почти 52,0%) предполагается направить на развитие инфраструктуры и поддержку предприятий малого и среднего бизнеса. В рамках *развития экономической инфраструктуры* будут построены автодороги, модернизирована и расширена сеть железнодорожного сообщения, появятся новые объекты энергетической отрасли, включая ядерные, морского и речного видов транспорта. Поддержка *предприятий малого и среднего бизнеса* основана прежде всего на цифровизации этого сегмента экономики,

и только во вторую очередь на экономической поддержке этих предприятий в виде льготных кредитов, займов, субсидий, снижении налогов и налоговых каникул. По мере улучшения экономической конъюнктуры предприятия малого и среднего бизнеса планируется более активно привлекать к реализации национальных проектов.

Третьим приоритетом российского плана является реализация мер по импортозамещению и поддержке таких отраслей экономики, как автомобилестроение, транспорт, жилищное строительство, сельское хозяйство. На эти цели предполагается израсходовать примерно 20% всех выделяемых на реализацию плана средств. Меры социальной поддержки, включая трансферты региональным бюджетам, занимают сравнительно скромное место, и на их долю суммарно приходится порядка 22,0% общей величины расходов [Russia: Ressecion ang growth..., 2020, p. 41].

Таким образом, российское руководство сделало упор на инвестиции как основной инструмент выведения экономики из кризиса, полагая при этом, что создание новых рабочих мест позволит не допустить значительного увеличения безработицы. Приоритет инвестиционной составляющей объективно ведет к уменьшению потребительских расходов и стимулирующей роли спроса на товары и услуги. Возможно, что это снизит эффективность предлагаемых мер по модернизации реальных секторов экономики (вследствие ограниченного потребительского спроса). Сравнительно невысокая эффективность российской экономики, измеряемая показателем совокупной факторной производительности (СФП), также является фактором замедления процесса восстановления, так как даже увеличение объемов инвестиций сопровождается относительно низкой отдачей.

Снижение совокупной факторной производительности как основная причина низких темпов роста российской экономики

В январе 2020 г. ВБ выпустил обширное исследование, посвященное снижению эффективности функционирования российской экономики и его основным причинам. В исследовании ВБ совокупная факторная производительность определяется как «эффективность, с которой общество связывает своих людей, ресурсы и орудия труда». При этом именно СФП является «главным двигателем экономического роста. Увеличение доходности в промышлен-

ности и сельском хозяйстве, рост занятости для малоквалифицированной рабочей силы могут быть достигнуты исключительно за счет увеличения производительности труда» [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 8].

Согласно оценке аналитиков ВБ, замедление темпов роста в РФ в период с 2000 по 2018 г. явилось главным образом «следствием замедления роста производительности». В частности, в период с 2000 по 2013 г. среднегодовые темпы роста ВВП составили 5,2%, однако в период с 2014 по 2018 г. они снизились до 3,0%, а в 2018 г. упали до 2,3% [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 9].

В качестве факторов экономического роста аналитики ВБ рассматривали прирост капитала (инвестиции), рабочей силы и СПФ. Эволюция вклада этих факторов в темпы роста российской экономики в период с 1991 по 2014 г. приведена в таблице.

Таблица
**Темпы и факторы роста российской экономики
в 1991–2014 гг., в %***

№ пп	Период, г.	Среднегодовой темпер роста	Капитал	Труд	СФП
1	1991–2014	1	52	36	12
2	2000–2005	6	2	95	3
3	2005–2010	3,5	41	59	–
4	2010–2014	2,8	60	47	–6

*Составлено по данным [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 30].

Представленные данные показывают, что замедление темпов экономического роста в России происходило, главным образом, за счет снижения вклада фактора труда и практически полного прекращения влияния фактора СФП с середины первого десятилетия XXI в. В свою очередь снижение вклада фактора труда напрямую связано с падением качества рабочей силы. Можно сделать вывод, что замедление темпов роста российской экономики обусловлено тем, что в период 2000–2014 гг. экономический рост постепенно стал терять черты интенсивной модели и все в большей степени стал воплощать в себе черты экстенсивной модели. Поэтому увеличение инвестиций в сравнительно небольшой степени может повлиять как на послекризисный выход российской экономики на траекторию устойчивого развития, так и на уско-

рение темпов роста. Рост инвестиций должен сопровождаться повышением качества рабочей силы, т.е. структурным увеличением в составе рабочей силы высокообразованной и высококвалифицированной рабочей силы, равно как и модернизацией российской экономики на основе новейших достижений научно-технического прогресса.

Согласно представлениям аналитиков ВБ, падение значения параметра СФП и параллельное снижение темпов экономического роста в России обусловлено действием следующих факторов. Во-первых, имеет место неэффективное распределение ресурсов капитала и труда между фирмами (так называемый «канал перераспределения»); во-вторых, сформировалась порочная динамика функционирования рынка фирм, при котором малопроизводительные фирмы остаются на рынке, а высокоэффективные уходят с него («канал входа-выхода»); и, в-третьих, слабость внутрифирменной модернизации (неэффективный «внутренний канал») [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 30]. Именно фирма (или компания) является тем критически важным структурным элементом экономики, от состояния которого напрямую зависит изменение значений параметра СФП.

В докладе ВБ подчеркивается, что межфирменная конкуренция недостаточно сильно влияет на уровень цен из-за большой роли государства в российской экономике. Государственные предприятия присутствуют в 39 из 44 основных отраслей российской экономики, в то время как в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющей 37 государств (по состоянию на 2018 г.), этот показатель в среднем составляет 23 отрасли. При этом в России из 39 отраслей с государственным участием только 7 могут быть отнесены к группе естественных монополий. На долю государства приходится 33–35% производимого в России ВВП; в государственном секторе занято 42% всей рабочей силы страны, а на принадлежащих государству предприятиях трудится 17% всех занятых. На транспорте и связи, в обрабатывающих отраслях экономики, бизнес-услугах, в энергетике и водоснабжении – занято 85% всех работающих на государственных российских предприятиях. Степень интенсивности внутренней конкуренции на отечественных рынках в докладе ВБ оценивается как «5» по семибалльной шкале [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 15, 38, 39].

Вместе с тем раздел доклада ВБ, посвященный лидеру российской банковской сферы – Сбербанку, – содержит достаточно

противоречивую оценку его деятельности как монополиста, к услугам которого регулярно прибегают 92 млн физических лиц и 2,4 млн юридических лиц. Сбербанк контролирует немногим более 31% всех банковских активов российской экономики и почти 45% индивидуальных вкладов. В целом его деятельность оценивается как успешная и высокоприбыльная. Однако «поскольку Сбербанк стремится к выходу на другие рынки, пытаясь создать финансовую экосистему и предоставлять небанковские услуги в таких сферах, как образование, здравоохранение, кибербезопасность и электронная торговля, то регулирующие органы должны неукоснительно следить за тем, чтобы банк не смог использовать какие-либо неоправданные конкурентные преимущества для доминирования в этих секторах экономики» [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 44].

Государственное регулирование – прямое или косвенное – объясняет 51% всего количества ограничений, существующих в российской экономике. Если принять величину этих ограничений за 100%, то 51% из них может быть отнесен на долю предприятий, принадлежащих государству, 26% – на долю ограничений для развития торговли и инвестиций и 23% – на долю ограничений, препятствующих развитию предпринимательства [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 40].

Принадлежащие государству предприятия «по определению» отличаются сравнительно невысоким уровнем управленческой культуры, индекс которой по шестибалльной шкале составляет всего 4 (по данным и оценке ОЭСР) [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 43].

В понимании аналитиков ВБ конкурентная среда в России должна быть ориентирована на усиление позиций (и, соответственно, прибылей) иностранных инвесторов. В докладе делаются два вывода. Во-первых, присутствие иностранного капитала (и, соответственно, иностранных технологий) повышает качество производимой продукции, которая усиливает прежде всего экспортные возможности соответствующих российских фирм. Во-вторых, производственные связи с иностранными фирмами, главным образом транснациональными корпорациями (ТНК), повышают качество управления и управленческую культуру руководства российских фирм [Boosting productivity in Russia..., 2020, p. 79, 84].

Индекс экономической свободы России

В 2020 г. индекс экономической свободы¹ России был оценен в 61 пункт (по 100-балльной шкале), что соответствует 94-му месту среди 180 стран мира (среднемировой индекс экономической свободы составил 61,6 балла) и 43-му месту среди 45 европейских стран. В 2019 г. индекс экономической свободы России оценивался на уровне 58,9 балла. Переход страны из одного класса в другой связан, прежде всего, с показателем «фискального благополучия», который составил 98,7 балла. До начала кризиса 2020 г. бюджетный дефицит оценивался в 0,8% ВВП, а государственный долг – в 14,0% ВВП. Налоговая нагрузка на экономику получила оценку 88,5 балла: из-за наличия плоской шкалы подоходного обложения в 13% и ставки налога на прибыли корпораций в размере 20%. По уровню государственных расходов консолидированного бюджета РФ, равных почти 35% ВВП, оценка составила 63,8 балла [Index of economic freedom, 2020].

Открытость рынков. Аналитики фонда «Наследие» признают наличие значительных нетарифных ограничений внешней торговли в России. Иностранные инвестиции, за исключением энергетического сектора, являются небольшими, а финансовый сектор контролируется в основном банками, среди которых пять крупнейших принадлежат государству. В итоге свобода внешнеторговых отношений получила оценку в 77,8 балла, инвестиционная и финансовая свободы – по 30 баллов [Index of economic freedom, 2020].

Эффективность регулирования экономики получила более высокие оценки, поскольку были упрощены процедуры разрешений на строительство, подключения к энергосетям и уплаты налогов, а также получения лицензий на внешнеторговую деятельность (но только через Москву и Санкт-Петербург). Вместе с тем Трудовой кодекс является устаревшим, а регулирование рынка труда малоэффективно. В стране существует большое количество программ субсидирования экономики. В результате свобода

¹ Составляется и публикуется известной правоконсервативной организацией США – фондом «Наследие». Согласно принятой классификации, страны в интервале от 80 до 100 баллов считаются экономически свободными, от 70 до 79,8 балла – по большей части свободными, от 60 до 69,9 балла – умеренно свободными, от 50 до 59,9 балла – по большей части несвободными, и от 0 до 49,9 балла – несвободными.

ведения бизнеса получила оценку 80,2 балла, свобода трудовых отношений – 52,1 балла, свобода ценообразования – 68,2 балла [Index of economic freedom, 2020].

В сфере верховенства закона подчеркивается существование тесных связей между политической властью и собственностью, благодаря чему высокопоставленные государственные чиновники используют служебное положение для накопления обширных активов. Судебная система лишена независимости. Широко распространена коррупция, а частный бизнес регулярно становится жертвой вымогательства со стороны правоохранительных органов и организованных преступных групп. На этом основании защита прав собственности была оценена в 58,5 балла, эффективность судебной системы – в 44,4 балла, а эффективность работы правоохранительных органов – в 41,3 балла [Index of economic freedom, 2020].

В докладе фонда «Наследие» об экономической свободе в России в 2020 г. делается общий вывод о том, что до тех пор, пока «государство следует антирыночной, националистической и протекционистской экономической политике и придерживается осторожного подхода к иностранным инвестициям в страну, расширение экономической свободы в России будет затруднено» [Index of economic freedom, 2020, p. 384–385].

Следует отметить, что во многих исследованиях международные эксперты опираются на работы российских экономистов и социологов, опубликованных в том числе и на английском языке, в которых содержится конкретная статистическая информация о положении дел в различных секторах и отраслях российской экономики.

Оценка ресурсного потенциала России

В 2019 г. аналитиками ВБ совместно с российскими специалистами был подготовлен обширный доклад, в котором рассматривался ресурсный потенциал страны. В нем, в частности, констатировалось, что «Россия – страна мирового значения и огромного разнообразия... Она обладает богатыми природными ресурсами, что подчеркивает ее значение как мирового экспортера сырья... Россия – один из крупнейших производителей и экспортеров природного газа, третий крупнейший производитель нефти (после США и Саудовской Аравии) и второй крупнейший экспортер нефти (после Саудовской Аравии)» [Weaker global outlook..., 2019, p. 56].

Оценка стоимости активов (богатств) была произведена аналитиками ВБ в постоянных ценах в рублях и долларах США. Активы трактовались как капитал, состоящий из следующих видов: 1) природный; 2) произведенный (включая городские земли); 3) человеческий; 4) иностранный.

Согласно докладу, в период с 2000 по 2017 г. стоимость богатств России увеличилась почти на 73,5% – с 753 трлн до 1,306 квадриллиона руб. (в постоянных ценах 2017 г.). В 2017 г. ведущую роль в структуре российских богатств играл человеческий капитал, доля которого составила 46%; далее шел произведенный капитал, на долю которого пришлось 33% богатств. Третью позицию занимал природный капитал с 20%, из которых 15% приходилось на долю невозобновляемых ресурсов и 5% – на долю возобновляемых ресурсов. Замыкали структуру российских богатств иностранные инвестиции с долей, равной 1% [Weaker global outlook..., 2019, p. 59].

В 2000–2017 гг. человеческий капитал обеспечил наибольшую часть прироста объема совокупного богатства (в расчете на душу населения) – его вклад составил 47,2%. На втором месте шел произведенный капитал с 37,6% вклада, на третьем – природный капитал с 15,5%, и замыкал этот перечень иностранный капитал с отрицательным значением вклада – 0,2% [How wealthy is Russia..., 2019, p. 16]. Иными словами, иностранный капитал и иностранные инвестиции в период 2000–2017 гг. являлись факторами уменьшения национальных богатств России, будучи каналом их вывоза за рубеж.

Структура богатств России заметно отличается от среднего соотношения видов капитала в странах ОЭСР. По состоянию на 2014 г. аналитики ВБ определяли их здесь следующими пропорциями: человеческий капитал – 70%, произведенный капитал – 28%, природный капитал – 3% и чистые иностранные активы – 1% [Weaker global outlook..., 2019, p. 59].

Показатель отдачи на накопленное богатство, измеряемый соотношением ВВП и накопленных богатств, составил за период 2000–2017 гг. 7%, что примерно соответствует соответствующему показателю высокоразвитых стран и стран ОЭСР. Вместе с тем в расчете на душу населения по состоянию на 2014 г. размер богатств в России составлял всего 1/4 от среднедушевого размера богатств на душу населения в странах ОЭСР. За период с 2000 по 2017 г. величина богатства на душу населения в России выросла

в 1,8 раза и достигла 9 млн руб., или 152,5 тыс. долл. [Weaker global outlook..., 2019, p. 57, 58].

Принципиально важным в исследовании ВБ является раздел, в котором говорится о долгосрочном влиянии мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. на рост благосостояния российского населения. В частности, если в период 2001–2008 гг. медиана доходов российского населения увеличивалась среднегодовым темпом в 9%, то в 2009–2010 гг. среднегодовой рост составил 4,5%, а в период 2010–2015 гг. снизился до 1,6% [Weaker global outlook..., 2019, p. 59].

В конечном итоге, следуя широко распространенным в США стереотипам о российской экономике, аналитики ВБ связывают замедление темпов роста благосостояния россиян с изменением конъюнктуры на мировом рынке углеводородов, с амбивалентной зависимостью российской экономики от нефти и газа. Указывается, что хотя в богатых природными ресурсами Норвегии и Австралии стоимость невозобновляемых ресурсов в два-три раза выше, чем в России, доли этих ресурсов в совокупном богатстве составляют, соответственно, 5% и 11%. В России же их доля достигает 20% (по состоянию на 2014 г.). Максимизация отдачи от совокупных богатств предполагает уменьшение зависимости России от природного капитала, связанного всего с двумя видами активов – нефтью и газом [Weaker global outlook..., 2019, p. 60].

Заключение

Коронавирусная пандемия, обернувшаяся для США не только невиданным экономическим кризисом со времен Великой депрессии 1930-х годов, но и системным кризисом американского медико-промышленного комплекса, явилась катализатором возобновления дискуссий о том, в какой степени практика противодействия стихийным бедствиям и экологическим катастрофам, а также мобилизационные меры по преодолению социально-экономических кризисов, применявшаяся в прошлом в социалистических странах, в том числе и в СССР, адекватна вызовам XXI в. По сути, в США, как, впрочем, и в других западных странах, на академическом уровне возвращаются к проблеме социализма как возможной альтернативы современным капиталистическим отношениям.

Возрождению интереса к переустройству общества на социалистических принципах способствовало два фактора. Во-первых, президентская кампания в США, в ходе которой вновь, как и

в 2016 г., достаточно мощно заявил о себе левый фланг Демократической партии США, представленный сенатором от штата Вермонт Б. Сандерсом, который открыто называет себя «демократическим социалистом». Во-вторых, успехи таких стран, как Китай, Вьетнам и Куба, в борьбе с коронавирусной пандемией, особенно по сравнению с провалом США в этой сфере.

На этом фоне оказались востребованными и получили достаточно широкий резонанс статьи проф. Р. Вулфа, известного американского экономиста-марксиста. В частности, он пишет, что «капитализм является социально иррациональным по своей сути... Капитализм не может отменить законы повторяющихся экономических циклов, несмотря на бесчисленные усилия преодолеть цикличность развития экономики, включая кейнсианскую экономику и кейнсианскую политику, начало которым было положено в 1930-е годы» [Wolff R. Mass unemployment..., 2020]. Р. Вульф прогнозирует тщетность всех усилий правящей финансово-экономической элиты США вернуться к «докризисной нормальности» после социально-экономических потрясений 2000–2001 гг., 2007–2009 гг. и нынешнего кризиса. «...Двухпартийная политика [американского] истеблишмента реагирует на нынешний крах таким образом, что приближает капитализм к его следующему краху» [Wolff R. COVID-19 was..., 2020].

Идейно-идеологическая поляризация и усиление левых настроений в американском обществе стало фактором, вызывающим беспокойство правоконсервативных сил США. Этот сдвиг побудил аналитические центры США консервативной направленности вновь обратиться к тематике сравнительных достоинств и недостатков капитализма и социализма. Фактически в США идут, в том числе и на высшем государственном уровне, активные дебаты о социализме и капитализме, которые одно время считались «перевернутой страницей» истории XX в., итоговую черту под которой подвел распад СССР в 1991 г. В частности, в 2020 г. известный Гуверовский институт в рамках проекта «Человеческое процветание» опубликовал ряд эссе на соответствующую тему.

Среди них можно выделить работу известного историка, сотрудника Гуверовского института Н. Фергюсона, который рассматривает проблему социализма и капитализма через призму исторических процессов. Одно из наиболее важных его положений сводится к тому, что социализм и капитализм существуют как пара взаимосвязанных идейных антиподов [Ferguson, 2020, p. 12].

Н. Фергюссон указывает, что «к 2007 г. социализм был по-всеместно мертв». Своим возрождением он обязан мировому финансово-экономическому кризису 2007–2009 гг. Хотя в большинстве стран от этого кризиса политически выиграли правые популисты, которым удалось показать, так же как и в XIX в., что «национальная идентичность гораздо сильнее проявляет себя по сравнению с классовым сознанием всякий раз, когда эти две идеологемы приходят в столкновение друг с другом» [Fergusson, 2020, р. 16].

«Полевению» американского общества во втором десятилетии XXI в. способствовали обстоятельства, на которые указывал Й. Шумпетер еще в 1942 г. Однако, в отличие от «классических социалистов», воспитанных в духе идей К. Маркса и Ф. Энгельса, современные американские социалисты в основу своих программ кладут не концепцию национализации сферы общественного производства, а социализацию сфер здравоохранения и образования, сохранение качества окружающей среды, а также более равномерное распределение в обществе доходов и личных богатств [Fergusson, 2020, р. 18].

Наконец, появились серьезные аналитические работы американских авторов, в которых проводится мысль о том, что стремительный прогресс в создании систем искусственного интеллекта (ИИ) заставляет по-новому взглянуть на проблему централизованного и планомерного управления экономическими процессами. Общая идея такого подхода сводится к тому, что системы ИИ могут оказаться гораздо более эффективными «управленцами» экономики, нежели система «свободных рынков». В частности, в работе проф. Калифорнийского университета Э. Парсонса прямо говорится о том, что «одним из фундаментальных критических замечаний по поводу экспериментов двадцатого века в области централизованного экономического планирования и основной причиной их неудач была неспособность контролируемых человеком систем планирования управлять сбором, анализом, расчетами и контролем, необходимыми для управления исключительно сложными системами производства, распределения и обмена, лежащими в основе современной экономики. Недавние быстрые достижения в области искусственного интеллекта, информационных систем обработки данных и связанных с ними технологических возможностей заставили вновь вернуться к этому старому вопросу и спровоцировали активные спекуляции о возможностях, преимуществах и угрозах экономики, управляемой ИИ» [Parson, 2020, р. 1].

Список литературы

1. A crisis like no other, an uncertain recovery. World economic outlook update / IMF. – Washington, 2020. – 20 p.
2. Boosting productivity in Russia: Improving resource allocation and firm performance / World Bank. – Washington: World Bank group, 2020. – 113 p.
3. Fergusson N. Capitalism, socialism, and nationalism: Lessons from history / Hoover Institution // The human prosperity project. – 2020. – N 2001. – P. 11–26.
4. Fiscal monitor: Database of country fiscal measures in response to the Covid-19 pandemic / IMF. – 2020. – 13 p. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Fiscal-Policies-Database-in-Response-to-COVID-19> (дата обращения: 08.09.2020).
5. How wealthy is Russia? Measuring Russia's comprehensive wealth from 2000–2017 / World Bank. – 2019. – 54 p.
6. Index of economic freedom 2020 / The Heritage foundation. – Washington, 2020. – 506 p.
7. Parson E. Max – a thought experiment: Could AI run the economy better than markets? / AI pulse. – 2020. – 83 p. – Mode of access: <https://aipulse.org/max-a-thought-experiment-could-ai-run-the-economy-better-than-markets/?pdf=645> (дата обращения: 08.09.2020).
8. Policy responses to COVID-19. Russia / IMF. – Washington, 2020. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (дата обращения: 08.09.2020).
9. Russia: Recession and growth under the shadow of the pandemic // Russia economic report / World Bank. – 2020. – 62 p.
10. Sheiner L., Yilla K. The ABCs of the post-COVID economic recovery // Brookings. – 2020. – 04.05. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2020/05/04/the-abcs-of-the-post-covid-economic-recovery/> (дата обращения: 08.09.2020).
11. The great lockdown. World economic outlook / IMF. – Washington, 2020. – 158 p.
12. Weaker global outlook sharpens focus on domestic reforms. Russian economic report / World Bank. – 2019. – 64 p. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33121/Weaker-Global-Outlook-Sharpens-Focus-on-Domestic-Reforms.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 08.09.2020).
13. Wolff R. COVID-19 was a trigger, but capitalism caused the economic crash // Truthout. – 2020. – 17.04. – Mode of access: <https://truthout.org/articles/covid-19-was-a-trigger-but-capitalism-caused-the-economic-crash> (дата обращения: 08.09.2020).
14. Wolff R. Mass unemployment amid the pandemic is an indictment of capitalism // Truthout. – 2020. – 06.05. – Mode of access: <https://truthout.org/articles/mass-unemployment-amid-the-pandemic-is-an-indictment-of-capitalism> (дата обращения: 08.09.2020).